

«Закрытый космос»: мировоззренческие импликации освоения космоса

Д. В. Прошин

Днепропетровский университет экономики и права

Досліджується проблема світоглядних імплікацій освоєння космосу. Аналізується протиріччя між прийнятою «картиною світу» космічної ери та глибинних культурних наслідків космічної діяльності людини.

Ни у одного другого достижения нет более длительной и богатой «предыстории», чем у космических полетов. К тому времени, когда человек на самом деле вышел за пределы земной атмосферы, уже существовало устоявшееся представление о характере и культурных последствиях человеческого проникновения в космос - как я утверждаю, в принципе несопоставимое с тем, что принесла реальная космонавтика. И если «технические» фантазии прошлого давным-давно рассеяны, то действительные мировоззренческие импликации нашего присутствия в космосе до сих пор не сразу удастся разглядеть под покровом давней традиции. Выявлению и анализу этих импликаций и посвящена предлагаемая статья.

Актуальность задачи определяется ее близостью к имеющему непреходящее значение вопросу о месте человека во Вселенной. Впрочем, она актуальна и с точки зрения текущего момента: в 2009 г. исполняется сорок лет со дня первой высадки людей на Луну, что дает исследователям повод в очередной раз обсудить все темы, связанные с освоением космоса.

Конечно, проблема идейной составляющей космонавтики ставится не впервые. Ее поднимали Дж. Логсдон [9], У. Макдугалл [11; 12], Б. Мэзлиш [10], Г. Хозин [6]. (Более подробный перечень публикаций, относящихся к проблеме, смотри в монографии [5]). Вместе с тем, ни в одной из известных мне работ не проводилось принципиального различия между традиционными представлениями об освоении космоса и теми пока еще затуманенными мировоззренческими импликациями, которые, по моему мнению, на самом деле имеют космические полеты. Таким образом, несмотря на основательную изученность проблемы, предлагаемые здесь выводы вполне самостоятельны и во многом противоречат утвердившимся точкам зрения на существо вопроса.

Я назову два элемента вышеупомянутой традиции, кажущиеся мне ключевыми. Прежде всего, в покорении космоса принято видеть проникновение в новый мир, продолжающее исследования земных *terrae incognitae*. Участники вымышленных космических путешествий не только отрываются от Земли, но даже теряют с ней всякую связь, исчезают из виду, чтобы вернуться с открывшимися им истинами. (Ефремов, «Туманность Андромеды»: «Подтверждается вчерашнее сообщение - тридцать седьмая звездная заговорила. Они возвращаются» [2, с. 144].) В подобных представлениях читается след дальних морских плаваний, отправляясь в которые моряки иногда на годы покидали свои гавани. Слова, произнесенные Гагариным перед стартом, восходят к этой же традиции: «Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной» [3, с. 118].

Но, считаясь продолжением всех прежних путешествий, космические полеты одновременно рассматриваются и как качественно новый шаг - как выход в беспредельность. Ведь в прошлом даже самых смелых первопроходцев останавливали границы земного мира:

«Мы были узники на шаре скромном,

*И сколько раз в бессчетной смене лет
Упорный взор Земли в просторе темном
Следил с тоской движение планет»* [6, с. 42].

Проникновение же в космос приносит освобождение:

*«О, человек, о, как напрасно Твое величье на Земли,
Когда ты - призрак, блик неясный Из пролетающей пыли.
Так где ж предел, поправивший цельность И бесконечности закон?
Смотри: ты Солнцем озарен,
И твой предел - есть бесконечность»* [7, с. 15].

Сравним строки Брюсова и Чижевского с оценкой современного исследователя проблем космонавтики Г. Хозина: «Первый полет человека в космос не только открыл первую звездную трассу во Вселенную. Это - полет в вечность» [6, с. 75].

Погружение в неизвестность, свобода, «бесконечность», «вечность» движения вперед, как и прежде, привычно связываются с человеческим присутствием в космосе. Разумеется, такие взгляды не лишены некоторых оснований. Однако эти основания недостаточно надежны, поскольку помимо всего прочего складываются из неоправданных, чисто внешних параллелей между космонавтикой и былым земным опытом; утверждений, принимаемых как аксиомы, но не доведенных до логического конца, что скрывает их неточность; «романтических» предвосхищений «послезавтра», выпускающих из виду реалии сегодняшнего дня.

Итак, проникновение в космос как странствие и прыжок в неведомое. В действительности космический полет является наиболее тщательно контролируемым видом человеческой деятельности (во всяком случае - если судить по соотношению космонавтов и сотрудников наземных служб контроля). Состояние экипажа и техники на протяжении всего полета находится под пристальным наблюдением Центра управления и периферийных станций слежения. В этом смысле Земля не только не отдаляется от космического корабля, но, напротив, как «эстафетную палочку», передает его по цепочке наблюдательных пунктов.

Исчезновение из виду - опасный сбой во время реального полета (или «сверхдолжный» вклад в героику освоения космоса, как было с терпящим бедствие «Аполлоном-13», вошедшим в зону радиомолчания над темной стороной Луны и на несколько минут оставившим Центр управления в тревожном ожидании). Более того, бесперебойная связь с Землей (особенно связь телевизионная) - это не только важное техническое звено; она делает Землю зрительницей космического спектакля, иными словами - уже не технически, а эмоционально необходимым элементом происходящего в космосе.

Для мореходов прошлого каждый новый берег действительно был указанием на то, что скрывшаяся за горизонтом родина - не единственная terra firma; каждое открытие дробило мир на все большее число частей. Но для звездоплавателя Земля, напротив, уплотнилась, превратившись в один большой Центр управления полетом. Психологически целесообразно и одновременно символично, что сжавшаяся до размеров Центра управления планета обрела свой собственный голос - голос особого сотрудника, которому поручена роль невозмутимого посредника, барьера между многоголосием ЦУПа и космическим кораблем.

«Установить рекорд длительности космического полета», «отдалиться на максимальное расстояние от Земли» - в подобных измерениях продолжительности и дальности Земля выступает как неизменная точка отсчета. Она словно неподвижна, и с этой неподвижной «нулевой отметкой» увязываются понятные каждому землянину космические достижения: дальше вне Земли, дальше от Земли. На место «бескрайнего космического океана», по

которому, подобно Колумбу или Магеллану, скитаются придуманные звездоплыватели, реальная космонавтика ставит «концентрический» мир с недвижной Землей-космодромом посередине.

В то же время, говоря о проникновении в космос, мы снова и снова называем имена великих путешественников прошлого - следуя за внешним сходством, привычно перебирая звучные клише, главным же образом - испытывая на себе обаяние путешествия, приключения, соприкосновения с неведомым (и, возможно, выявление действительных мировоззренческих импликаций освоения космоса только усилит это обаяние, поскольку до поры до времени скрытый «геоцентрический» мир реальной космонавтики покажется нам скучным).

Но, как уже было сказано, в космических полетах видится не просто новое путешествие, а «путешествие в бесконечность». Если оставить в стороне коренные философские проблемы (вроде первой кантовской антиномии), то ничто, кажется, не мешает признать, что эмпирически космос на самом деле «бесконечен» - то есть не ставит и даже в весьма отдаленном будущем едва ли поставит преграды человеческому движению вперед, - и, следовательно, признать, что проникновение в космос действительно «раскрепостило» земного человека. Однако это признание - остановка на полпути к конечным выводам, которые представляют освоение космоса в качественно ином свете.

Нам говорят, что раньше, сколь далеко ни шагал бы очередной первопроходец, он всегда «задевал теменем» за непреодолимую преграду небосвода. Даже покорение самого неба ничего не меняло в этом положении вещей, будучи «воздухоплаванием» - плаванием в земном воздухе и над землей. Но вместе с тем всякое путешествие докосмической эры, каким бы «ограниченным» оно ни было, представляло собой лишь «предпоследний шаг», а точнее таким «предпоследним шагом» оказывалось постепенное покорение каждой из земных сред - суши, океана и воздуха. До начала космической эры даже после эпохальных побед человеку всегда было куда двигаться дальше, что хорошо видно в «генеалогиях» первопроходцев, которыми традиционно снабжаются книги и статьи, посвященные освоению космоса. «Колумб и Магеллан, Афанасий Никитин и Марко Поло, Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев, Роберт Пири, братья Уилбер и Орвил Райт и Валерий Чкалов вместе с первым космонавтом создали прочный фундамент для дальнейшего движения к истине» [6, с. 70].

Первый космонавт занял свое законное место в «родословной», которая, по мысли ее автора, пишущего о «дальнейшем движении к истине», будет только прирастать новыми поколениями путешественников и первооткрывателей. Тем не менее первый человек в космосе не столько продолжает, сколько замыкает почетную «процессию». Конечно, с точки зрения истории космонавтики это противоречит общеизвестным фактам, составляющим летопись освоения космоса: за первым космическим полетом последовал первый выход в открытый космос, за ним - первая высадка на Луну, запуск первой обитаемой станции, первого «космического челнока» и т. д. Однако в фундаментальном смысле эти бесспорные успехи суть количественные, а не качественные изменения, «дурная» бесконечность во плоти. Число людей, побывавших в космосе, сегодня равняющееся нескольким сотням, будет увеличиваться, земляне могут вернуться на Луну и побывать на Марсе - и, несмотря на это, мы останемся на том же уровне, которого впервые достиг Юрий Гагарин.

Звездное небо веками было напоминанием о том, что человечество приковано к Земле, к «шару скромному». И в то же время космос оставался «вторым дыханием», «неприкосновенным запасом» человечества - проникновение в космос было еще впереди, мир еще не был «закрыт». С началом космической эры мир «закрылся», и человеку уже «некуда идти». Космос потребовал «резкого торможения нашего, принципиально лишённого последней замыкающей черты, метода размышлений, позволяющего бесконечно переходить от меньшего к большему, и само предположение, что якобы может существовать нечто

такое, что уже никоим образом превысить невозможно, кажется мысли обманом или насмешкой над ее всепроникающим движением» [4, с. 109]. Не пробиваемая «насквозь» бесконечность раскрывшегося перед нами космоса мне кажется не залогом неотчуждаемой свободы человеческого рода, а скорее, как ни парадоксально это звучит, - последним и непреодолимым пределом качественного расширения осваиваемого человеком мира.

Соприкосновение с бесконечностью имело еще одно последствие. Бесконечный космос космонавтики - это ведь, строго говоря, не *κόσμος* - упорядоченная целостность, прекраснейшая из возникших вещей платоновского «Тимея», - а всего лишь бессмысленное «пространство». Русская контаминация «космическое пространство» скрывает противостояние, четко обозначенное в других языках: *cosmos* - *space*, *cosmos* - *l'espace*, *Kosmos* - *Weltraum*. Это противостояние однажды обозначил Лакан, шокировав советского академика Леонтьева заявлением: «Нет никаких космонавтов» [8, с. 29]. Что тут можно возразить? В самом деле, если нет «космоса», то не может быть и космонавта. «Для Лакана Гагарин, конечно же, оказался не в макрокосмосе Пифагора-Платона, а в открытом космосе, в космическом пространстве» [8, с. 72] (открытом означает бесконечном). И естественное порождение такого опыта - чувство одиночества, заброшенности человечества.

В «официальной» трактовке космических достижений это чувство кажется «сублимированным», превращенным в переживание уникальности Земли - колыбели жизни. Более того, такой взгляд на Землю считается важнейшим духовным приобретением, полученным именно благодаря выходу в «пустоту» космоса. В своем новом, «сублимированном» облике опыт соприкосновения с бесконечностью перекрещивается с пафосом «освобождения космосом»: Земля, как одинокий удивительный корабль, плывет в бескрайнем просторе, «несет себя» всему миру, а человек тем временем готовится к своей главной, «прометеевой» роли защитника «жизни, добра и гармонии «у себя дома» и во Вселенной» [6, с. 75]. Однако на самом деле последствия «травмы», причиненной бесконечностью, лишь завуалированы поверхностными метафорами, которые к тому же отрицают сами себя. И только потому, что метафоры эти давно уже стали привычными, не с первого взгляда удастся заметить свойственное им самоотрицание.

Нам говорят о гордо плывущем в космическом пространстве бесценном островке жизни. Вспоминается:

*«Верю, дерзкий! Ты поставишь Над землей ряды ветрил,
Ты своей рукой направишь Бег планеты меж светил»* [7, с. 13].

В действительности же, оказавшись в «пограничной ситуации», лицом к лицу с бесконечностью, человек - отпрянул. Провозгласив себя звездоплавателем бескрайнего космоса и испытав неизбежное чувство одиночества, он тут же отступил к своей единственной точке опоры - земной тверди. Любование Землей из космоса, так называемый «эффект свержзгляда» (*overview*) - ведь это взгляд назад, на земной ориентир, а не вперед, в бесконечность. Как мне кажется, именно это лежит в основе метафоры «космический корабль Земля» - отнюдь не чувство свободы и гордости некой космической миссией человечества. Барт показал, что образ морского корабля, как правило, выражает «мотив уютной замкнутости», что корабль предстает «закругленно-гладким миром» [1, с. 146]. Вот и «космический корабль Земля», кажущийся наилучшим выражением пафоса покорения космических пространств, на самом деле - укрытие, в котором мы отгораживаемся от бесконечности и бессмысленности космоса. Человек не «ставит паруса», он «задраивает люки». Налицо обратная зависимость: чем ближе мы к космосу физически, тем дальше мы от него духовно.

Таковы, на мой взгляд, глубинные мировоззренческие импликации освоения космоса, скрываемые поверхностными метафорами, затемняемые неточным толкованием нового,

космического, опыта человечества. Реальная космонавтика, идейными предтечами которой нередко называют Коперника и Галилея, пропитана духом нового «геоцентризма», который проникает и за ее пределы, в картину мира человека космической эры. А ожидавшееся и воспевавшееся десятилетиями, если не веками, окончательное «открытие» мира на деле обернулось его «закрытием», когда человек уперся в непробиваемую стену бессмысленной космической бесконечности, - со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Пессимист ли я? Я однозначно не разделяю пафоса космических оптимистов и романтиков, хотя и считаю его ярким проявлением человеческих исканий (и, конечно же, я отдаю должное тем, кто посвятил себя исследованию и освоению космоса). Я полагаю, что «пустое» космическое пространство реальной космонавтики не способно дать человеку ни чувства свободы, ни смысла существования. Быть может, чтобы космос стал для нас тем, чем его видят оптимисты, мы должны по- другому взглянуть на него, увидеть в нем не «пространство», а космос. Но для этого вовсе не обязательно покидать Землю.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Мифологии. - М., 2008.
2. Ефремов И. А. Туманность Андромеды. - Ташкент, 1986.
3. Ефремов И. А. К звездам. - М., 1986.
4. Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. - М., 2004. - Кн. 2.
5. Прошин Д. В. Політика адміністрації Р. Рейгана в галузі дослідження і використання космічного простору (1981-1989 рр.). Дис. ... канд. іст. наук. - Д., 2001.
6. Хозин Г. С. Великое противостояние в космосе (СССР-США). Свидетельства очевидца. - М., 2001.
7. Чивилихин В. А. Память // Роман-газета. - 1985. - № 4 (1010). - С. 5-99.
8. Юран А. Лакан и Космос. - СПб., 2006.
9. Logsdon J. A Sustainable Rationale for Human Spaceflight // Phi Kappa Phi Journal. - 1992. - Summer. - P. 29-31.
10. Mazlish B. The Idea of Space Exploration // A Spacefaring People: Perspectives on Early Spaceflight / A. Roland, ed. - Wash., D. C.: NASA, 1988. - P. 137-142.
11. McDougall W. Technocracy and Statecraft in the Space Age - Toward the History of Saltation // American Historical Review. - 1982. - Vol. 87, N 4. - P. 1010-1040.
12. McDougall W. The Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age. - N. Y.: Basic Books, 1985. - 464 p.